

Плач по родном брате

Жена покойного встречает золовку:

Мне-ка стать было на резвы свои ноженьки,
Мне повытти на новы́ сени решётчаты!
Просказали мне-ка добры эти людюшки,
Как у моего крылечика перёного
Не ручей-быстра ричка разливается,
На три стороны ручьями растекается;
Моя милая сестрица свет родимая,
Она горькими слезамы обливается,
До перёного крылечка добирается!
Расступитесь-ко, народ вы люди добрыи,
Раздайтесь-ко, суседи спорядовыи!
Я сретать буду, горюшица, высказывать,
Я пенять буду сестрице да причитывать!
Не несут нынь-ко несчастны меня ноженьки,
Не дае это ретливое сердечушко
Тебя стритить, свет-голубко моя милая,
Не здымаются несчастны белы рученьки
На твои плеча, сестрица, на могучии
Сдиять доброе здоровьице!
Што же подолгу, сестрица, снаряжалася,
Да ты спóтиху, желанна, сподоблялася?
Аль не знала ты про братца про родимого,
Што он был во тяжелой во постелюшке
Цело две этих уречных неделюшки?
Аль боялась ты, сестрица, неможеньица?
Аль страшилась ты злодийной смерётушки?
Как во добром был он во здоровьице,
Почитали вы нас, белые лебедушки,
Нонь, как сдиялась великая незгодушка,
Как сустигла нас злодийская кручинушка,
Отрекнулися вы, род-племя любимое,
Отлишилися сестричушки родимой!
С чего ж пóдолгу, голубко, снаряжалася?

Таки ль нѣвесто было невестімо?1
К вам записочки были да ведь пїсаны,
Пешеходы вестовы были посланы,
Штоб пришла ты на родиму свою родинку
О Светлом Христове Воскресеньице!
Аль воскресный день ты в церкви простояла?
До полудня, звать, молебенки служила?
На недели на работы продолжалась?
Как же сдумала, косата моя ластушка,
Ты сегодня-сего денечка Господнего
Поутрышку стать да ты ранешенько?
Али Господа Бога побоялась,
Таки ль добрых людей да постыдилась,
Ты осмилилась притти к нам поскорѣшеньку?
Добры людюшки того да сдивовалися,
Што до нас ты, сестрица, сжаловалася,
Што повыбрала слободну пору-времячко,
Што забросила крестьянску свою жирушку!
Ты не спáцлива до братца была милого,
Не желанна до сердечных была плѣмняток!2
Я на этой на урѣчной всей неделюшке
Сожидала тебя, белую лебедушку,
Целой день я до познего до вѣчерка,
Я глядела во косевчато окошечко,
Я смотрела на дороженьку широкою!
Подойду тут ко тяжелой я постелюшке
Ко своей милой любимой семеюшке,
Стане спрашивать любимая семеюшка:
«Не видать, видно, сестричушки родимой,
Знать, не идет она по чистому по полюшку,
Путем-широкой дороженькой?»
Говорить стану надежной я головушке:
«Не видать да все сестричушки родимой,
Знать, боится зла великого несчастьяца —
Верно, твѣбего тяжела положеньица!»
Тут ответ держал надежная головушка,
Скрозь обидушку держал он таково слово:
«Как я был в добром здоровьице,
Почастѣшеньку сестрица к нам ходила,

Она по́долгу, родимая, гостила;
На перёном крылечке была стрічена,
Была гостыца она да все улажена,
Ейна шубонька была у нас скидывана,
В нову горенку была она проведена,
На кленовы была стульица посажена!»
Говорил да еще братец, красно солнышко,
При смерётушке он едино́ слово:
«После схватится сестрица, да накается,
Как пустылая родима буде родинка,
Ю не стритит светушкó-братец желанной
На этом крылечике перёном
Со своею надежной головушкой,
Со сердечныма рожёныма деточкам!
Гостибище ей буде не по-прежнему,
Угощеньице ей буде не по-старому!
Извини того, сестрица-свет желанная,
Што пеняла я при добрых тебе людюшках,
При всех милых суседях спорядовых,
Не могла стерпеть, сестричушка родимая,
Содержать да я обиды в ретливом сердце!
Раэгорелася несчастная утробушка,
Поразгневалася горюша горегорькая
На тебя, милу сестрицу я желанную!
Нонь прошу тебя, голубонько сердешняя,
Ты пожалуй во хоромное строеньицо,
Ты пройди да нонь во светлую светёлочку,
В розорёную столову пройди горенку!
Не убойся-тко великого несчастьица,
Злой этой великой ты кручинушки!
Наздыну теперь несчастны белы рученьки
На твои плеча, сестрица, на могучии,
Ноньку сдаем с тобой доброе здоровьице
Мы по-прежнему, сестрица, по-досюльному!
Мы плотнешенько к сердечку прижиматися,
Ко устам сдаем, сестрица, прилагатися!
Подойти-тко ты ко братцу ко родимому,
Воскликай да соколочка златокрылого!
Ты, голубушко сестрица, поталаннее,

Може, братец до тебя да пожеланнее,
Може, сдает с тобой доброе здоровье,
Он спроговорит единое словечушко!

К детям:

Да вы слушайте, сиротны мои детушки!
Вы коритесь-ко желанной своей тетушке,
Вы клонитесь-ко во резвы ей во ноженьки:
Вовложила бы великое желаньицо
До вас, моих сиротных малых детушек!
Как о Владычном Божьем праздничке
Да вы пойдете, позяблы семяниночки,
Во любимое сердечно к ей гостибище,
Принимала бы за гостюшек любимых,
За бажёных сердечных своих плёмняток,
Вас садила бы за стол да за дубовый
Она с прочиим народом людей добрых,
Она кушаньем бы вас не обносила,
Цьем-кофеем она не обходила бы!

Сестра умершего к соседям:

Уж вы слушайте, народ да люди добрыи,
Мои милы спорядовые суседушки!
Не сдвуйте-тко печальной мне головушке,
У переного крыльца што устоялася,
Огляделась на людей да приобдумалась,
От невестушки ричей да приуслухалась!
Скрозь обидушку она да мне высказыват,
Во слезах она, горюша, выговариват!
Не бессудьте мою бедную головушку,
Как я шла да путем-широкой дороженькой
Мимо эту Божью церковь посвященную.
Приуныв стоит церковь посвященная,
Ко сырой земли глава приклонилася,
Животворящий этот крест да пошатнулся!
Подошла я к крылечику перёному,
Тут раздумалась победным своим разумом:

Это што да над главой-то сочинилось,
Над крестом животворящим сочудилось?
В том прощаюся, победна, извиняюся!

Обращаясь к невестке, продолжает:

Лучилось слышать печальной мне головушке
Про твою мне-ка великую незгодушку!
Получила ты, желанная голубонько,
Нелюбимое словечушко — вдовиное!
Хоть я по́долгу, горюша, снаряжалася,
Хоть я спóтиху, победна, сподоблялася,
Можешь знать-ведать, родимая сестрица:
Моя дальняя судимая сторонушка
Отдалена от родимой я от родинки,
Далеко да во Корелы во проклятой,
Подалие я от сродичев-милых сродничков,
Я за мхамы, сестрица, за дыбучима,
Я за темныма лесамы за дремучима!
Как во эту во победную сторонушку
Буйныи ветры не провевают,
Птиченька к нам не прилётает,
Нет проезду на ступистых лошадушках,
Нет проходу во темных лесах дремучих,
Почтовóй ямскóй широкой нет дороженьки,
Столько малая единая тропиночка,
Столько прóйдено у малой у скотинушки!
К нам добрый люди не забродят,
Оны весточек к нам не приносят,
Письма-грамотки к победным не доходят,
С передачей по людях все неверных:
По пути оны в дорожке замешалися,
Письма-грамотки оны да ростеряли!
Я сидела хоть во светлой своей свётлице,
Под этим под косевчатым окошечком,
Взвещевало зло ретливое сердечушко,
Насказало про великую невзгодушку.
Под окошечком сидела — пораздумалась,
На дороженьку глядела — порасплакалась;

Себе думаю, победна, думу крепкую,
Не болит да, кажись, буйная головушка,
Уныват столько ретливое сердечушко!
Я раздумалась печальным умом-разумом:
Как отпущена надежная головушка
На это кругло-малое озерышко
Удить там уловной свежей рыбоньки.
На малом он, надеженька, на яличке,
Небольша да малогребна эта лоточка!
Тут повыброшусь на шіроку на уличку:
Буйны вётры в чистом поле не развеются ль
Буря-па́дара на озерке не здымається ль,
Мала лоточка там не шатається ль?
Не утонула бы надежная головушка
Во это кругло мало бы озерышко!
Я глядела на четыре все сторонушки —
Тиха тішинка на шірокой на уличке,
Благодать да все на круглом на озерышке!
Ужо так да у крылечка ушаталася,
Едва в теплыи покои воротилася;
Я садилася на тесовую кроваточку,
Привалилася на кру́тое зголовице:
Зла тоска бедну горюшу ушибае,
Ретливо сердце мое все унывае,
Горьки слезы из оцей да протекают!
Тут раздумалась печальным своим разумом:
За семеюшкой мне жирушка господская,
От законной я сдержавы не обижена,
Што головушка моя да разболелася?
Што обидушка в сердечке расходилася?
Тут скорёшенько с кровати я ставала,
Во косевчато окошечко глядела,
Во чисто поле, победнушка, смотрела:
Из-за горушек теперь было высоких,
Из-за темных из-за лесушек дремучих,
Эта малая тропинка устиляется,
Знаменует 3 человек да поспешается!
Тут раздумалась печальным умом-разумом,
Я дождусь да человека-то незнамого:

Не с моей ли со родимой идё родинки,
Не ко мни ль идут милы мои гостюшки,
Не сердечной ли любимой идё плёмничек,
Из роду́ ль идет тетушка-добротушка,
Аль из племени спацлива, може, дяденька?
Сожидаю я, победнушка, раздумалась:
Не гостинная пора нонько времячко,
Теперь порушка пришла всем рабочая,
У крестьян теперь время сенокосное,
Все признаны старушки стародревние,
Со дитямы по домам оны расставлены!
Себе думаю победным своим разумом:
Подходить да человек стал незнакомой
Поблизёхоньку к селу он деревенскому,
Поскорёшенько к крылечику перёному;
Не могла признать, победная головушка,
Уже так да будто разумом смекнула я,
Уже быть да как суседке спорядовой?
Тут я вышла на новы сени решётчаты,
Доспрошусь да человека я, доведаюсь!
Отворяла как дверь да тут дубовую,
Увидела суседку спорядовую;
Уж я так вдруг испугалася,
В лице кровь вся помешалася,
Пораздумалась печальным своим разумом:
Што не⁴ сбылось на родимой моей родинке!
Тут я сдияла с ей доброе здоровьице.
Не знаю печальная головушка
Зрадовалась ли, победна, испугалася —
Не могла да с ей словечка сгóворить.
Проводила ю во светлую светелочку,
Посадила я на стул да на кленовой,
Супротив сэла, победна я головушка;
Тут спросила спорядовую суседушку:
«Ай, куды ж идешь, спорядная суседушка?
По завету ли идешь Богу молитися,
К Богородице ль идешь прилагатися.
О своих ли ты грехах идешь прощатися?
Чего нет да досюду ль не водилося,

Вы, приближнии суседы спорядовыи,
Не торили к нам малоей тропиночки,
Вы не знали судимой моей стóроны!
Уж ты как шла путем-ши́рокой дороженькой?
Ты по малым шла тропинкам не мешалась ли?
Темным лесушком ты шла да не блудила ли?
Ты скажи мне, спорядовая суседушка,
Со какой ли пришла весточкой ты с радостной?»
Отвечала тут спорядная суседушка:
«Хоть я ближняя, голубушка родимая,
Уж я гостыцей буду нелюбимой!
Рассказать тебе, подруженька, не смию,
Огрубить тебя мне бы не хотелось!
Светушкó-братец родимой твой
Приказал долго жить, много кланяться!»
По покоям стала бедна я похаживать,
Тосковать стала горюша, слёзно плакать,
Сожидать стала надежную головушку
Со эта кругла малого озерышка,
Со этой со уловной свежей рыбонькой.
Со скуки едва день прокорóтала,
Со обиды два часа бедна́ промешкала!
Я схватилась за любиму эту гостыцу:
Как усталая любима моя гостыца
Шла дальнюю путь-ши́року дороженьку;
Самовары становила я шумячии,
Заварила цяи-кофей горячии,
Угощала тут я прежню свою пóдружку:
«Ты за стол садись теперь да хлеба кушать,
На покой ляг на тесовую кроваточку,
Отдыхай да с пути-дальной дороженьки!»
Сама села на тесовую кроваточку,
Потихошеньку тут стала разговаривать,
Вопотай стала горюшица выпрашивать:
«Он был долго ли в тяжелом неможеньице,
При трудной болезной постелюшке?
В кое время пришла скоряя смерётушка:
По утрушку ль она ранёшенько,
По вечеру ль она позднёшенько,

Аль в полдень красна солнышка?»
Воспрогóворит спорядная суседушка:
«Он лежал да во постеле две неделюшки,
Пришла скоряя смерётка во полуночи».
Буди проклята судьба моя несчастная,
Эта дальняя судимая сторонушка!
Говорила я, печальная головушка:
«За крестьянином была бы лучше бедным,
У родимой я жила бы столько родинки,
Во глазах были б сродчи мои сроднички;
Засмотрела бы я братца-света белого,
Я сердечных своих плёмняток!»
Тут я дóждалась надежную головушку,
Вышла-стритила на шíрокой на уличке,
Как томным стою, победнушка, томнёшенька,
Разговор веду с наде́жей унылёшенек;
Говорит да мне наде́жа таково слово:
«Што заплаканы, голубко, у тя очушки?
Вроди разума ты сменилася,
Приутерто твое бело это личушко;
Знать, тоскуешь по родимой ты сторонушке,
Знать, скучаешь по любезным сродчам-сродничкам?
Ты живешь, кажись, во всем да удовольствию;
Я словечушком тебя не обиждаю,
На работушке тебя не истомляю!»
Говорила тут печальна я головушка:
«Ты не знаешь-то, наде́женька, не ведаешь,
Отчего ж мое сердечко заобидилось,
Што головушка моя да закручинилась!
Как сегодня, сего дёнечка Господнего,
Пришла весточка с родимой мне сторонушки,
Пришла в гости к нам спорядная суседушка!»
Говорит да мне надежная головушка:
«Што ты врешь-несешь, голубко, пустословушку,
С коей стóроны суседка объявилася?»
Отвечала я, печальная головушка:
«Ты иди скоряй во светлую светёлочку,
Нету в живности довольна бела светушка —
Света-милого братца мне родимого!

Ты пойдём-ко, свет-любимая семеюшка,
На родиму мою родинку,
Ты ко милой ветляной нештушке,
Я ко светушку-братцу ко родимому!»
Тут спробо́ворит надёжная головушка:
«Да ты слушай же, жена-семья любимая!
Нам нельзя вдруг обим удалятся,
Пооставить так хоромное строеньцо,
Воспокинуть вся крестьянска наша жирушка,
Стала дальняя путь-ши́рока дороженька!»
Тут давалась я, победная головушка:
«Ты спусти хотя ж меня одну!»
Говорит да мне надёжная головушка:
«С кем ты дальну пойдешь ши́року дороженьку?»
Говорю да я, печальная головушка:
«Я пойду туды с спорядной суседушкой,
Я оттуль найму любима провожателя».
Говорит еще надёжная головушка:
«Отпущу я не надолго поры-времечки,
Я с ходама на одну столько неделюшку!»
Взрадова́лась я, печальная головушка;
Тут сготовили цяи да мы горячии,
Садилися к столу мы ко дубовому,
С старопрежней советной милой по́дружкой.
Стала спрашивать, печальная головушка,
Я про всих христиан тут православных,
Старопрежних сусед да спорядовых:
Вси ль во добром оны во здоровьице,
Вси в живности ль старушки стародревние?
За столом да тут сидели ровно два часа,
Разговор да тот имели ровно три часа.
Тут накрыли мы столы эти дубовыи,
И садилися за ужины вечерные;
Я не ела, обидушка, не кушала,
Я горючима слезамы уливалася,
Велико́й обидой забавлялася!
Тут ложились на покойну мы на ноченьку;
Я не сном да темну ночку коротала,
Со кручины по покоям проходила,

Со обиды столько думушку продумала:
Пронесет да как путь-широку дороженьку,
Поспешу да на родиму свою родинку!
Тут повыстала по утрышку ранёшенько,
Я умылася, победнушка, скорёшенько,
Я оделася, победна, суровёшенько:
Сапожёнки, победна, на резвы́ ноги,
Вязаночки⁵ одела на белы́ руки,
Кашемировой платочик круг головушки;
Я одела-то дорожно свое платице;
Не топила я кирпичной этой печеньки,
Снарядилися в путь-широку дороженьку!
Не страшилася лесов да я дремучих,
Не боялася я мхов да там дыбучих,
Не ужáхнулась я гор да всё высоких;
Во темных лесах зверей я не страшилася,
В путь-дороженьку, победна, снарядилася.
Кабы знали вы, суседы, про то ведали,
Про мою да про велику бы незгодушку —
Я бы лётяци дорожку пролетела бы,
Я прядуци путь-широку припрядала!
Кабы крылышки, горюше, мне гусиные,
Да другим мне, горюше, лебединые,
Подымалась бы горюша выше лесушку,
Выше горушек, победна я, толкучих,
В две минуточки дорогу пролетела бы,
В один час да я на родинку поспела бы!
Хоть я шла да путем-широкой дороженькой,
Во слезах пути-дорожки не видала,
Во горях я ширóку скоротала!
Приходить стала к селу я деревенскому,
Ко своей родимой родинке,
Я ко этому дому крестьянскому,
Как зглянула на хоромное строеньице,
Што строенье приклонилось ко сырой земли,
Приуныв стоит палата грановитая,
Припечаливши косевчаты окошечка,
На слезах стоят стекольчаты околенки!
Как пошла — стоит сестрица тут родимая,

На крылечушке она да на перёном,
Всё сшибат она белы эты рученьки,
Поджимат она, несчастна, ретливо сердчэ!
При слезах стоят любимы мои плёмнятка,
У их буйныи головки не заглажены,
У их русы волоса да все не зăвиты!
Тут смекнула я победным своим разумом:
Со злодийной со великой, знать, кручинушки
Буйна гóлова у детушек не гладится,
Волос к волосу у их да не приляжет!
Мне тошным, бедной горюшице, тошнёхонько,
Вся любимая семья при кручинушке,
Всё род-племя любимо припечаливши!
Я раздумаюсь победным своим разумом:
Как пройти мне, обидной головошке,
Без спросу на крылечико перёное,
Без доклада на новы сени решётчаты,
Без дозволенья во хоромное строеньицо?
Доложусь я у сестрицы у родимой,
Войду я во строеньицо хоромное,
Уж я крест кладу, горюша, по-писáному,
Я поклон веду, горюша, по-учёному!
Мне-ка стать было, горюше, придуматься:
Доспрошусь, бедна горюша, уведоюсь,
Доложусь, бедна кручинная головошка,
Не возбранно ли, сестрица-свет родимая,
Попустить мне-ка, горюше, невзычён голос,
Неумильное, нескладно причитаньицо?
Не для чести, горюше, не для пóхвалы,
Не ради удивленья людей добрых!
Как долит тоска-великая обидушка,
Обшибат меня кручинушка!
Жаль тошнёшенько братца мне родимого,
Пожальчие соколочка златокрылого!
Того жаль бедной горюше горегорькой,
Не была да што при скорой я смерётушке,
Не сидела у болезной я постелюшки,
Не глядела я во ясны его очушки,
Не смотрела я во бело его личушко!

Как допреж сего, до этой поры-времячка,
Хоть не почасту на родинку ходила,
Не по мисяцу на родинке гостила —
Меня родинка, победнушку, сжидала,
Меня братец на крылечушке сретает!
Как сегодняшним Господним Божьим дёнечком
Изменилася родима моя родинка —
У крылечушка земля да подгибается,
Вся семья стоит в кручинушке — шатается!
Поразгневался сдвольной, белой светушко,
Рассердился братец-красно мое солнышко,
Не стават да он на резвы свои ноженьки,
Он не сдиет со мной доброго здоровьица,
Он не спросит у печальной у головушки:
«Как дороженьку, сестрица, пронималась,
На ступистой ли ты да на лошадушке,
Аль пешеходная, любима мила гостыца?»

Снова к невестке:

Ты послушай-ко, сестрица-свет родимая,
Ты скажи мне-ка, горюшице, пожалуста,
Про свою скажи надежную головушку,
Мне про светушка ты братца про родимого:
Как лежал он во тяжелом неможеньице,
Ты сидела ли, победная, близёшенько,
Припадала ль к ретливому сердечушку,
Приласкалась ли ко белу его личушку,
Ты ко этым устам ко сахарниим?
Ты спросила ли любимую семеюшку,
Тебе как жить, горюше, воспитатися,
Сирот-малых детей да возростить буде,
Да им в ком искать великое желаньице,
В ком прелестныи им ласковы словечушка?
Аль во ту пору, сестрица, в это времечко
Делама ты, печальна, занималась,
Со крестьянамы, обидна, угощалась?..
Попеняю скрозь обиду уныльнёшенько
Я тоби, да свет-сестрица моя милая,
При прежних спорядовых суседушках,

Я при всем роду, горюша, при всем племени:
Когда был он при болезной постелюшке,
Ко мне ведомо, сестрица, не послала,
Письма-грамотки, родима, не писала!
Кабы знала я, горюша, про то ведала
Про велико его бы неможеньице,
Я бы наняла спорядную суседушку,
На эту на урѣчную неделюшку,
Ю оставила б большухой подомовой,
Единѣшенька сама бы приотправилась,
На свою да на родиму я сторонушку!
Во темных лесах звирѣв я не боялась бы,
В темной роще волков серых не страшилась бы,
Тут скорѣшенько б в дорожку сторопилася;
Мне застать бы светушка-братца родимого,
Пока в живности скачѣная жемчужинка!
При смертной, злодийной смерѣтушке
Поглядела бы во бело его личушко,
Посмотрела бы во ясны ему очюшки,
Сговорила бы хоть малое словечушко
Я на память-то со братцем со родимым!
Хоть сходилась бы тоска неугасимая,
Я бы в том, бедна горюша, не терзалась,
Што я светушка-братца не видала;
Я списала бы пером да лице белое,
Я списала бы буйную головушку,
Столько на эту гербову на бумаженьку!
Я бы взяла тот потрет — эту бумаженьку,
К себи клала бы под правую под пазушку,
Прижимала бы к ретливому сердечушку,
Прилагала бы ко блеклому ко личушку,
Я снесла бы на судимую сторонушку,
Положила бы во светлой я во свѣтлице,
Я на стенушку, победна, на лицѣвую,
Я на стопочку, победнушка, точѣную!
Я ходила бы, победна, любовалася,
Я смотрела бы, несчастна, красовалася
Как на светушка на братца бы родимого!

К племянникам:

Уж вы слушайте, болезни малы плёмнятки,
Не видать буде родителя вам батюшка,
Не слышать буде спацливого желаньца!
Далеко ваше желанье удаляется,
Гробовой доской родитель укрывается!
После схватитесь, несчастныи, наплачетесь!
Мне-ка жаль, бедной горюше, нонь тошнешенько
Вас сердечных, любимых племянничков!
О Владычном Господнем Божьем праздничке
Аль о Светлом Христове Воскресеньце,
Как придут эты несчастны сиротиночки
От обиден оны этих полудённых —
В разорённо тепловито свое гнёздышко
Ко своей родителе-ко матушке,
Станет спрашивать родитель-бедна матушка:
«Как вы были, сердечны мои детушки,
У этой Пресвятой вы Богородицы,
Там замитили ль родителя вы-батюшку?
Столько видели ли ясны его очушки,
Столько слышали ли жалкой его гóлосок?»
Тут детушки у ей порасплачутся,
Родна матушка с дитямы ростоскуется,
Уже так бедна горюша розгорюется!
Станут дити на брусовую на лавочку,
Принаклонят свои буйный головушки,
Приутупят ясны оци во дубовой пол,
Говорить станут родителю-матушке:
«Хоть были мы в церкви Божьей посвященной,
Мы стояли-то, сиротны малы детушки,
Посторонь да мы стояли людей добрых;
Мы родителя в глаза да не видали,
Жалка гóлоса его мы не слыхали!»
Видно, нет того нá свете, да не водится,
Видно, мертвый с живыми не становятся,
По разным церквам не расходятся!
Вы послушайте, болезни милы плёмнятка!
Не видать буде родителя вам батюшка,
Не слышать буде родительска желаньца;

Далеко ваше желанье удаляется,
Гробовой доской родитель укрывается!..

К соседям:

Нонь корюсь хлебосолам вековечным,
Я крестьян прошу с слезамы со горючима:
Как обсиротится победна эта жирушка,
Сиротать пойдут несчастны малы детушки,
Пойдут по миру оны да по крещеному,
Меж дворами станут детушки толкаться,
По подбóкньям победныи шататися,
Не обуты будут дети, не одетыи,
Как голодныи придут оны-холодныи,
Вы не сгрúснитесь, суседы спорядовыи,
На этих сердечных малых детушек,
Вы от темной их ночи сохраните-тко,
Вы от частого дождя приберегите-тко,
Вы студёной этой зимушкой согрейте-тко,
Вы сжалуйтесь-ко, народ люди добрыи,
Хоть какии сапожёнки подарите-тко,
Вы оденьте-тко тело да их грешное,
Хоть не убыточно вы дайте, не корыстное,
Кафтанишечко вы дайте немудрящее,
Да вы при́зрите сиротных малых детушек!
Я побли́зку бы родимой жила родинки,
Край бы волости жила я красовитой,
Кабы вольная была мне-ка волюшка
От надежной любимой семеюшки,
Я прибрала бы сиротных малых племняток
На свою да я, победна, приберёгушку!
Я обула этих детушек, одела бы,
Не спустила бы я по миру крещеному!
Сиротать будут победны малы племнятка:
Летней порушкой замочит частым дождиком,
Западут зимой снежком оны перистым,
Позябнут у их резвы эти ноженьки,
Морозом-то прищолне ручки белые,
Буйным ветрышком повие личко милое;

Тут дрожать буде ретливое сердечушко
Об этой о студёной, холодной зимой:
Стоят детушки к селу да подбираются,
У крестьян да к темной ноченьке даваются,
У крылечушка собак да устрашаются:
Деревенские собаки-то съедучие!
Как повырастут до полного до возраста,
Да как вёшня вода со льдом разольется,
Малы детушки оны с ду-другом разойдутся!
У вдовы тут у родителя у матушки
Перетрескае ретливое сердечушко,
Столько ростяци сердечных малых детушек!
Тут горячими слезами приобльется,
Сговорит она, родитель, таково слово:
«За мое, знать, за велико согрешеньице
Наделил Господь станицу малых детушек;
На грехи мне-ка, победной, на заботушку,
На великую, победной, на тоскочушку!
Как пойдут оны по миру по крещеному,
С ума-разума детей я тут не выложу
Я не в день-то их, не в темную ведь ноченьку:
Оны как ходят, сердечны малы детушки,
Не балуют ли на широкон на уличке,
Не дерутся ли с малыма ребятама?»
Как походить станут сердечны мои детушки,
Оны горькими слезами порасплачутся;
Бедна матушка глядит да растоскует,
Снаряжать стане родитель да наказывать:
«Вы ходите, малы детушки, умнёшенько,
Вы на уличке-то, дити, не балуйте-тко,
По крестьянским домам да не воруйте -тко,
Не обижайте-тко детей да христианских!
У мя милости тогды вы не упрósите:
Буду бить, бранить сердечных я вас детушек,
Обижать буду словечушком обидным!»
Говорить буде горяша уговаривать,
Малых детушек она буде упрашивать;
По избы да станут детушки похаживать,
На родитель станут матушку посматривать,

Во косевчаты окошечка поглядывать,
Говорить станут родителю тут матушке:
«Виют ветрышки на уличке буйнёшенько,
Как погодьнице теперь холоднёшенько,
Заносит все малые тропиночки,
Уж как этыма снежёчкамы перистыма
На уличке погода поднимается;
Не видать нонько суседей спорядовых,
Нам нельзя пойти, родитель-родна матушка,
Мы позябнем ведь на шірокой на уличке,
На этой пути-шірокой дороженьке!
Лучше день лежим, родитель, не едаюца,
Да мы суточки, родитель, не пиваюца,
Не пойдём мы, рожёны твои детушки,
Да мы по миру не идем по крещеному!
Кабы знала то, родитель, про то ведала,
Каково ходить-то в мире во крещеном!
Заболят да наши резвы эты ноженьки,
Столько по миру, победнушка, шатаюца
Со крылечка на крылечико ставаюца;
Не посмиём мы, победныи головушки,
В дом зайти ко крестьянину богатому,
Постоим да у косевчата окошечка;
Как зайти да во хоромное строеньицо,
Може, óгрубя нас грубыим словечушком,
Обидным буде, победным, обиднешенько!
Постоскуемся, сердечны мы тут детушки,
С горя сходим на могилушку умершую
Ко свбему родителю ко батюшку,
Тут поищем мы совету, уму-разуму!
Прощенья мы там с благословеньицем!»
Тут спрогóворим желанной родной матушке:
«Не дай Боже того, да не дай Господи,
Сколько горюшка, победны, привидаем,
Мы в обидушке, победны, возрастаем!
Лучше б матушка на свет да не родила!
Нам наскучило, победным, сиротаньицо,
Столько хóдяци ведь пó миру крещеному!
Столько водушки ведь мы не испиваюца,

Што горючих, горьких слез да проливаюца!⁶
Сапожёнки у нас да притопталися,
Балу́юци шубенки придержалися;
Мы находимся, победны-то, босёшеньки,
Буйна гóлова у нас да нашатаеця,
Добры людушки того да насрекаются!
Мы не знаем тут, победныи головушки,
Куды нам, несчастным, подеватися,
В коей стóроны, победным, воспитатися,
Как без своего великого желаньица!
Хоть по утрышку пойдём, бедны, ранёшенько,
Хоть снарядит нас родитель суровёшенько —
Не проехана у добрых у людушек
Эта путь-широкая дороженька,
Не пройдена у спорядных у суседушек
Небольша эта тропиночка,
Нету малой единой следовиночки
От нашего крылечика перёного!
Удалимся от родимой лучше родинки,
Отшатнемся от хоромного строеньица,
Мы от свёго витого гнездышка!
Во чужой да во подальной сторонушке
Мы пойдём, бедны-победны, воспитатися,
Не в глазах бы у родителя у матушки!»
Часто плачет же родитель, все тоскуе,
Каждый день наша кокоша горекуе!

К невестке:

Да ты слушай же, сестрица-свет родимая,
Вознесу тебе спасибо с благодарностью,
Што не жалела золотой казны бессчётной,
Хоронила ты надёжу умильнёшенько,
Ты ведь сбрала породу родовитую.
Спасет Бог тебя на том с благодарностью;
Хоть дала ты мне весточку нерадостну,
Снарядила ты спорядную суседушку,
Призвала меня, печальную головушку,
На последнее прощаньицо,

На вековое ко брату расставаньице!
Про запас, бедна горюша, посмотрела
На свою милу скачѣну я жемчужинку.
Унывало хоть ретливое сердечушко,
Обмирала моя зяблая утробушка!
Я не знала всё, горюша горегорькая,
Отчего меня кручина ушибае?
Не могла умом победна применитися,
Ни к кому бедна горюша приютитися!
Далеко живу горюша в устороньице,
Я во малом, горюша, во безлюдьице,
Я во темном, горюша, во залесьице.
Наб с корелушкой победной мне знакомитися,
Наб корельским языкам приучатися,
Оставлять наб чваковито нареченьице
Мне учливая-умильна поговорюшка;
Очень скучно мне, победной, обживатися,
На этой судимой на сторонушке,
Хоть близко-поблизку кругло малое озерышко,
По подбконью бежит да речка быстрая,
Мне не любитися, победной головушке,
Во этой во корелушке во дикой!
Как допреж сего, до этой поры-времячка,
Как был в живности сдовольной белой светушко,
Как приду я на родиму свою родинку
О Бладычнии о праздничках,
Все во собраньице крестьяна православныи,
На беседушке суседи спорядовыи,
Кругом столика крестьяна приобсажены
На столе да Божья книга прираскинута,
Сидит светушко братец читает,
Христиана-то сидят да книгу слушают;
Хорошо он пословечно им высказыват,
Он про Божии законы выговариват,
Сговорит да им, суседям, таково слово:
«Вы, суседушки, живите во согласьице!
Уж вы ду-друга, крестьяна, не обидьте-тко,
Да вы Господа Бладыку не гневите-тко,
Я скажу да вам по Божьему писанию,

Как у Господа Бладыки обзаконено:
Жить на сем свете — ду-друга любить!
Вы сполна этот закон исполняйте-тко,
Всего даст вам Бладыка многомилосливой
На поли он вам даст без изменушки,
На гумны вам даст без мерушки!»
Я гляжу-смотрю, печальная головушка:
Куды все у нас подевалосся?
Куды Божий книги потерялися?
Пустым да по покоям все-пустешенько!
Кленовы стоят стульица простёшеньки,
На столах да вси доски расклеи́лися,
Православныи крестья́на отступилися
От моей да от родимой нонь от родинки!

К попам:

Вы пройдите-тко, попы-отцы духовныи,
Проходите-тко, служители церковныи,
Во нашу во победну эту жирушку,
Во унылое хоромное строеньице,
Во печальную, во светлу эту свѣтлицу!
Вы садитесь-ко по стульицам кленовым,
Вокруг столиков садитесь-ко дубовых.
Ты послушай-ко, невестушка голубушка,
Попроси да хоть суседей спорядовых,
Подсобили бы гостей да оны чествовать,
Уж как этых попов-отцов духовных,
Уж как этых служителей церковных!
Мы по чары поднесем да зелена вина,
По другой мы нальем сладкой водочки,
На тарелочке несем разны закусочки!
Говорить стану, печальная головушка,
Я вобче да всим попам-отцам духовным:
«В золоту казну, попы, не забирайтесь-ко,
Столько светушка вы братца споминайте-ко
В шесть этых учётных неделюшек,
За обедней панахиды-то служите-ко,
Хоть не вкруте — помаленчку рассчитаемся!»

Спасет Бог да вас, попов-отцов духовных,
Што приехали — не зартáчились,
Поры времени не жалели,
Коней добрых притрудили,
Не гнушались, попы-отцы духовныи,
Сироты вы горегорькой бесприютной!
Уж вы слушайте, попы-отцы духовныи,
Когда слúчится, служители церковныи,
Итти мимо по селу вам деревенскому,
Вы зайдите на родиму мою родинку,
Разговорите вы кокошицу тоскливую
При этой при злодийной кручинушке!
Хоть зайдите о Владычных Божьих праздничках,
От талá сердча победна принимать будет,
Припасет для вас любимо угощеньицо,
Для всей братьи причётен-то священскиих!

- 1 Или вам было неизвестно?
- 2 Племянников.
- 3 Виднеется.
- 4 Што не — что-нибудь.
- 5 Шерстяные рукавицы.
- 6 Деелр(ичастне) Олон(ецкого) Подреч(ня).

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.